

**ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ ПЕРЦЕПТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ЯЗЫКОВОМ ОТРАЖЕНИИ
(на материале повести Г. Уэллса «Страна слепых»)**

Работа представлена кафедрой английской филологии
Дальневосточного государственного гуманитарного университета города Хабаровска.
Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Т. П. Карпухина.

Статья затрагивает проблему соотношения языковой и концептуальной картин мира. В ней поднимается вопрос о существовании так называемых возможных миров, конфликт и противопоставление которых находит свое отражение в некоторых художественных произведениях. Таковым является и произведение Г. Уэллса «Страна слепых». Статья анализирует языковые способы репрезентации двух концептуально и лингвистически противопоставляемых возможных миров — мира зрячих и мира слепых, — описываемых в повести Г. Уэллса.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина мира, возможные миры, перцептивная модальность (визуальная, аудиальная, кинестетическая).

**THE POSSIBLE WORLDS OF THE PERCEPTIVE MODALITY
IN LINGUISTIC REFLECTION**

(based on the story by H. Wells «The Country of the Blind»)

The article focuses on the problem of interrelation between the linguistic and the mental models of the world. The underlying hypothesis of the article is the existence of the so called possible worlds. The conflict and opposition between them are revealed in some literary works. One of them is H. Wells' short story "The Country of the Blind". The article analyzes the linguistic means of representing the two worlds – those of the seeing and of the blind – which prove to be incompatible and distinctly opposed to each other both conceptually and linguistically.

Keywords: the linguistic model of reality, the mental model of reality, possible worlds, the perceptive modality (visual, auditory, kinesthetic).

Одной из ключевых лингвистических категорий в рамках антропологической парадигмы является языковая картина мира, определяемая как система представлений об окружающей действительности, выраженных языковыми средствами. Налицо взаимосвязь между двумя сущностями: системой представлений о мироустройстве, с одной стороны, и ее отображением в языке — с другой.

Первое называют картиной мира, или концептуальной картиной мира. Это идеальный образ мира, так называемое не-объективированное состояние картины мира, существующее в воображении субъекта [6, с. 22]. В зависимости от призмы мировидения, от основания, на котором формируются концепты, выделяют следующие разновидности картин мира: мифологическую, религиозную, философскую, научную, наивную, художественную и др. [6, с. 33].

Совокупность определенных типов научной, философской, религиозной и других разновидностей картин мира, переработанных при активном участии мышления и сознания человека, составляет концептуальную картину мира, представляющую собой обобщенную ментальную модель действительности, формирующуюся в нашем сознании.

Не оспаривая ставшее аксиоматичным утверждение о единстве языка и мышления,

вместе с тем следует заметить, что это — явления разного порядка. Мышление представляет собой категорию логики, а язык является продуктом мышления. Мышление служит основанием для построения концептуальной картины мира. Для обозначения знакового отображения концептуальной картины мира в языке Л. Вайсгербер вводит термин «языковая картина мира» [3, с. 11], хотя само понятие, заключенное в данном термине, складывается намного раньше. Мысль о существовании особого языкового мировидения была сформулирована В. Гумбольдтом как научно-философская проблема еще в начале XIX в. [6, с. 17]. В. Гумбольдт утверждал, что «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание» [1, с. 80].

Одним из дискуссионных вопросов в лингвистике на сегодняшний день является проблема соотношения концептуальной и языковой картин мира. Можно выделить два основных подхода к решению данной проблемы.

Согласно одной точке зрения, концептуальная картина мира, в основе которой лежит мыслительная деятельность человека, первична. Мышление отображает действительность, а язык выражает мышление. Язык лишь фиксирует концептуальный мир человека [2, с. 23–32]. Таким образом, языковая картина мира складывается на основе концептуальной картины мира.

Согласно другой точке зрения, отраженной, в частности, в гипотезе лингвистической относительности, именно язык способствует формированию определенных представлений о действительности. «Мы расчленим мир, организуем его в понятия <...> так, а не иначе потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение <...> закреплено в системе моделей нашего языка» [9, с. 169]. Данное воззрение представляет неогумбольдтианство как лингвистическое направление, сложившееся в 20-х гг. XX в. в Германии и США, идеи которого явились развитием положения В. Гумбольдта о том, что язык помогает человеку познавать мир, и это познание зависит от языка. «Как отдельный звук стоит между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой <...> Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей <...> Человек преимущественно — да даже и исключительно <...> — живет с предметами так, как их преподносит ему язык», — подчеркивает В. Гумбольдт [1, с. 80]. В современных терминах это можно сформулировать следующим образом: на основе языковой картины мира, усваиваемой человеком в процессе социализации, складывается соответствующая концептуальная картина мира.

Исходя из первого положения, можно допустить возможность общечеловеческой картины мира, поскольку законы познания одинаковы для всех людей. Г. В. Колшанский говорит по этому поводу следующее: «Логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они ни говорили» [2, с. 13].

Исходя из второго положения, мы приходим к выводу о том, что картина мира национально, или культурно, обусловлена. Язык определяет человеческое мышление и процесс познания в целом. Приведем образное высказывание В. Гумбольдта, кото-

рое выражает эту идею следующим образом: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [1, с. 80].

При таком неоднозначном видении мира встает вопрос об объективности языковой картины мира. Какой язык отражает существующую действительность наиболее объективно?

Если вслед за неогумбольдтианцами признать креативный характер языка по отношению к формированию представлений о действительности и согласиться с утверждением Э. Сепира, что: «Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [7, с. 261], тогда мы тем самым снимаем проблему истинности человеческого знания, поскольку язык становится такой силой, которая сама создает для человека мир или его картину.

Гипотеза лингвистической относительности, как известно, и по сей день остается весьма дискуссионной. И мы далеки от мысли, что разные языки есть отражение разных миров. Вместе с тем сама идея возможных миров представляется довольно плодотворной для лингвистического анализа.

Понятие «возможные миры» в широком смысле определяется как мыслимые альтернативные состояния дел [11, с. 98]. Данная категория стала применяться с 60-х гг. XX в. первоначально в модальной логике для формулировки условий истинности высказываний. Я. Хинтика, К. Кангер, С. Крипке заложили основы семантики возможных миров [12, с. 25]. Под влиянием логической семантики понятие возможных миров стало использоваться и для семантического анализа языка в лингвистике [8, с. 113].

В литературе выделяются два подхода к вопросу о соотношении возможного и действительного. Первый подход восходит к Лейбницу, согласно которому действи-

тельное есть одно из проявлений возможного. Лейбниц считал, что Божественный разум содержит бесконечное множество возможных миров, но в качестве реального избран лучший из этих миров [4, с. 244]. Второй подход восходит к Канту, который рассматривал возможное не как абсолютное, а как релятивизированное понятие. Нечто возможно относительно чего-то. Возможное есть мысленная комбинация существующего [12, с. 26].

Возможный мир как объект литературоведческого исследования понимается как ментальный мир, материализованный в художественной форме. Это воображаемый, фиктивный мир, представляющий собой альтернативу исходного мира, который может быть несовместимым с представлениями человека о мире и даже внутренне противоречивым.

Один из таких возможных миров представлен в нашем исследовании — это мир слепых, созданный Г. Уэллсом в произведении «*The Country of the Blind*» («Страна слепых»). Это повесть о человеческом непонимании, о проблемах личности, выходящей за рамки общепринятого, о чем автор говорит иносказательно, поместив зрячего человека, Нуньеса, в общество слепых, для которых слова *зрение, глаза, видеть* ничего не значат.

В основе композиции произведения лежит прием антитезы, понимаемой в широком смысле как противопоставление контрастных систем мировидения, образов, представлений, понятий. Противопоставляются две картины мира: один мир — это привычный мир зрячего человека,

другой — мир слепых, называемые автором *the outer world*, или *the greater world*, и *the lower world*, соответственно.

При этом попутно заметим, что слово «картина», когда мы говорим о восприятии и языке, не подходит в отношении слепых. С их позиции это, наверно, была бы «ткань языка» слепого мира, доступного тактильному восприятию, или еще что-нибудь.

Попробуем частично воссоздать языковую картину мира зрячих и слепых посредством анализа двух отрывков.

В горной долине живет народ, где люди слепы уже на протяжении четырнадцати поколений. Они не унаследовали представлений о мироздании от своих предков, которые обладали даром зрения. Частично такие представления сохранились в форме мифов, которые не принимались за истинные, подобно нашему мифологическому представлению о трех китах, подпирающих своими спинами землю. *Their tradition of the greater world became mythical in colour and uncertain. Everything connected with sight was considered idle fancies and replaced with saner explanations.* Предание о большом мире, откуда они пришли, приобрело для них туманную окраску мифа. Все, что было связано со зрением, считалось пустым вздором, и они придумали взамен этому более трезвые, по их мнению, толкования, соответствующие их жизненному опыту.

Сравним образ долины, представший взору Нуньеса, попавшего туда, когда он сорвался с обрыва, с представлением слепых о своем мире, сложившемся в их сознании в процессе становления их культуры.

<i>Образ долины Нуньеса</i>	<i>Образ мира слепых</i>
It was a snow-rimmed basin at the foot of a vast precipice. The valley had slopes of rich brown soil, on one side forests of pine that held the avalanches high and on the other three sides cliffs of grey-green rock capped by cliffs of ice.	The world had been first an empty hollow in the rocks, and then had come, first, inanimate things without the gift of touch, and llamas and a few other creatures that had little sense, and then men, and at last angels, whom one could hear singing and making fluttering sounds, but whom no one could touch at all. Time had been divided into the warm and the cold. They slept in the warm and worked during the cold. The end of the rocks was the end of the world; thence about ten times ten the height of a man sprang a cavernous roof of the universe — of rock, from which the dew and the avalanches fell. It was an article of faith with them that the cavern roof was exquisitely smooth to the touch.

Хотя оба отрывка описывают один и тот же фрагмент действительности, перед нами предстают две абсолютно разные картины. В основе различия между ними лежит разная перцептивная модальность. Это психофизиологическая категория, определяемая как принадлежность ощущения или сигнала к определенной сенсорной системе: зрительной, слуховой, тактильной и др. [5, с. 220]. В связи с этим принято выделять три основные модальности: визуальную (я вижу), аудиальную (я слышу) и кинестетическую (я чувствую). Последняя включает в себя тактильные, вкусовые и обонятельные ощущения. У каждого человека можно выделить основную модальность, которая проявляется в соответствующем выборе слов.

В двух противопоставляемых описаниях сразу обращает на себя внимание контраст в подборе лексики. Перед нами не просто два концептуальных мира, но две разные языковые картины мира. Как видно из приведенного отрывка, образ Нуньеса сформирован исключительно на основе визуальной модальности. Только глазу подвластны такие свойства воспринимаемой местности, как бескрайность (*vast*), высота (*held the avalanches high*), направление (*on one side, on the other three sides*), цвет (*brown soil, grey-green rock*). И, пожалуй, только благодаря зрению можно воспринять пропасть и скалу как целостный образ (*precipice, cliff*).

Обратимся ко второму отрывку. Здесь мы замечаем избыток слов и выражений, относящихся к двум другим модальностям, а именно, кинестетической и аудиальной: *the gift of touch, touch, the warm, the cold, smooth to the touch, hear singing, fluttering sounds*. Неслучайно и то, что на этот раз автор заменяет «*cliff*» на «*rock*». Несмотря на то что данные слова являются синонимами и они могут заменять друг друга в определенных контекстах, этого нельзя сказать применительно к нашему случаю. «*Rock*» в приведенном отрывке скорее используется в значении «камень, скальная порода», т. е. материал, который доступен

осязанию. Отрывок свидетельствует о том, что ведущей модальностью чувственного опыта слепых в познании действительности является кинестетическая, основу которой составляют тактильные ощущения. Критерием различия между живым и неживым в природе для них служит дар осязания (*the gift of touch*).

Весьма интересным представляется восприятие и языковое выражение времени, характерное для слепых. В непрерывном течении времени жители долины выделили два темпоральных отрезка — день и ночь, — причем это выделение осуществлено также на основании кожных ощущений (*the warm and the cold*). Кроме того, любопытно отметить микроскопичность их мира, представляющего собой яму в скалах (*a hollow in the rocks*). Конец скал представлял для них конец мира. (*The end of the rocks was the end of the world*). И только в этих границах мир доступен их осязанию.

Но было бы неправильно предположить, что картина мира слепых носит примитивный характер. Как можно судить по отрывку, в формировании своих представлений о мироздании они поднимаются на высшую рациональную ступень познания, достигая степени отражения действительности, опосредованного логическим мышлением. Именно так складывается у них понятие об уходящем ввысь пределе мира (*a cavernous roof of the universe*), которую они не могут воспринять непосредственно органами чувств: ни потрогать, ни услышать, ни понюхать, ни ощутить ее на вкус. Ход их размышлений таков: должны же откуда-то падать вода и лавины; и поскольку стены мира сотворены из камня, логично предположить, что из того же материала состоит и крыша. Представить себе это без участия воображения невозможно.

В основе созданного ими образа крыши лежит опять же тактильное ощущение: она представляется им исключительно гладкой на ощупь (*The cavern roof was exquisitely smooth to the touch*). Интересно, что это качество оценивается ими как в высшей сте-

пени положительное (изысканно гладкая), так как описывается наречием, значение которого помечено усиленно положительным коннотативным признаком (*exquisitely is extremely beautifully*) [13, с. 487]. Восприятие этого качества окрашено сильным чувством восхищения. Можно сказать, что в их картине мира присутствует и эстетическая составляющая, поскольку они способны оценить красоту их мира, о чем говорит наличие в их языке прилагательного *exquisite*, несущего определенную аксиологическую информацию, выражающего высокую степень красоты (*extremely beautiful and delicate*). Эта красота предстает хрупкой (*delicate*), а значит, ее необходимо оберегать как редкий и драгоценный дар.

Рассмотренный пример добавляет аргумент в споре о первичности концептуальной или языковой картин мира в пользу первой. Язык слепых выражает представления о мире, сложившиеся в их сознании в результате чувственного и рационального познания действительности. Языковая картина мира, унаследованная ими от предков, была отвергнута как несоответствующая их опыту. Многие в их образных представлениях исчезло вместе со зрением, и они составили себе новые представления, подсказанные их слухом и осязанием, становившимися все более чуткими и чувствительными. (*Much of their imagination had shrivelled with their eyes, and they had made for themselves new imaginations with their ever more sensitive ears and finger-tips.*)

Что касается вопроса об объективности противопоставляемых картин мира, то на первый взгляд кажется, что ответ очевиден — конечно, картина Нуньеса объективна, ведь его отражение действитель-

ности более полное. Но при дальнейшем размышлении оказывается, что у каждого своя реальность, обусловленная жизненным опытом. Понятно, что представления слепых кажутся главному герою абсурдными и немыслимыми. Но и объяснения Нуньеса того, что такое зрение, что означает видеть и какой мир «на самом деле», слепые воспринимают как вздор, бред полонумного, только что появившегося на свет с еще не до конца сформированным умом: *He had been set aside as the confused version of a new-made being describing the marvels of his incoherent sensations.* Налицо непреодолимый конфликт двух миров.

Мир зрячих и мир слепых, изображенные в произведении, — абсолютно равноправные миры. Если бы было иначе, то слепые физически не смогли бы выжить. Однако их мировидение не только создает все предпосылки для существования, но и делает их жизнь достаточно комфортной, насыщенной и отнюдь, с их точки зрения, не ущербной. Этот мир они считают своим. Другой мир им кажется непонятным, враждебным, чужим. Каждая из сторон, представленных в повести, полагает свое мировидение лучшим, преференциальным и пытается навязать свой стереотип восприятия действительности другой стороне. Различие состоит только в методе убеждения: если Нуньес пытается воздействовать на жителей долины одной лишь словесной аргументацией, то его слушатели настроены гораздо более агрессивно. Они, пользуясь количественным преимуществом, решаются на радикальные меры — лишить пришельца глаз как органа, который мешает ему быть «нормальным», и, таким образом, из чужого (зрячего) сделать его своим (слепым).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984.
2. Колишанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990.
3. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005. — URL: <http://www.lib.ua-ru>.

4. *Лейбниц Г. В.* Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Сочинения: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1989.
5. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2006.
6. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. — М.: Наука, 1988.
7. *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.
8. Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004.
9. *Уорф Б.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960.
10. *Уэллс Г. Д.* Страна слепых // Английский рассказ XX в. Сборник 1. На английском языке / Сост. Н. А. Самуэльян. — М.: Менеджер. С. 30–65.
11. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001.
12. *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. — М.: Прогресс, 1980.
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / International Student Edition, 2006.

REFERENCES

1. *Gumbol'dt V.* O razlichii stroenija chelovecheskih jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva // V. Gumbol'dt Izbrannye trudy po jazykoznaniju. — М.: Progress, 1984.
2. *Kolshanskij G. V.* Ob#ektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke. — М.: Nauka, 1990.
3. *Kuznecov JU. A.* Leksiko-semanticheskoe pole smeha kak fragment russkoj jazykovoj kartiny mira: Dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2005. <http://www.lib.ua-ru>.
4. *Lejbnic G. V.* Opyty teodiceji o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla // Sochinenija v 4-h tomah. Т. 4. — М.: Mysl', 1989.
5. Psihologicheskij slovar' / Pod red. V. P. Zinchenko, B. G. Mewerjakova. — 2-e izd., pererab. i dop. — М.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006.
6. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira / B. A. Serebrennikov, E. S. Kubrjakova, V. I. Postovalova i dr. — М.: Nauka, 1988.
7. *Sepir JE.* Status lingvistiki kak nauki // Sepir JE. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. — М., 1993.
8. Sovremennij filosofskij slovar' / Pod obwej red. d. f. n., prof. V. E. Kemerova. — 3-e izd., ispr. i dop. — М.: Akademicheskij Proekt, 2004.
9. *Uorf B.* Nauka i jazykoznanie // Novoe v lingvistike. — Vyp. 1. — М., 1960.
10. *Ujells G. D.* Strana slepyh / Anglijskij rasskaz XX veka. Sbornik 1. Na anglijskom jazyke / Sost. N. A. Samujel'jan. — М.: Menedzher. С. 30–65.
11. Filosofskij slovar' / Pod red. I. T. Frolova. — 7-e izd., pererab. i dop. — М.: Respublika, 2001.
12. *Hintikka JA.* Logiko-jepistemologicheskie issledovanija. — М.: Progress, 1980.
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / International Student Edition, 2006.